

С.С. Калиева, В.Н. ЛогвинСургутский государственный университет
пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия
E-mail: logvin1@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ КОЧЕВНИЧЕСТВА В АЗИАТСКИХ СТЕПЯХ

В статье подводится итог примерно тридцатилетнего изучения проблемы реконструкции основ хозяйства и образа жизни населения степной провинции Зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики. Исследователями России, Казахстана и Западной Европы была получена разноплановая информация, позволяющая утверждать, что основой экономики населения являлось разведение крупного рогатого скота и лошадей, а охота на таких животных, как сайга и кулан, в экономическом плане имела второстепенный характер; поселения носили сезонный характер, но при этом не были пастушескими лагерями, а имели значительное число обитателей; уровень развития орудийного комплекса исключал возможность заготовки корма для животных в зимний период, содержание скота было возможно только при условии его круглогодичного выпаса. Таким образом, общества, оставившие терсекские и ботайские древности, должны быть признаны кочевыми.

Ключевые слова: энеолит, кочевничество, скотоводство, domestикация, терсекские, ботайские и суртандинские древности.

Введение

В российской историографии традиционно большое внимание уделялось изучению всех аспектов кочевничества. В частности, этнографами и археологами была разработана стройная и логичная концепция формирования кочевого образа жизни у населения евразийских степей в начале I тыс. до н.э. [Акишев, 1972; Мошкова, 1992; Хазанов, 2000, с. 185–187]. Вместе с тем уже с конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. разрабатывалась и концепция существенно более раннего (примерно на 2 тыс. лет) формирования кочевого образа жизни у обитателей восточно-европейских степей. Разработка этого направления началась с постановки Б.А. Латыниным и Н.Я. Мерпертом вопроса о наличии производящего хозяйства у носителей ямной культуры (см.: [Шилов, 1975, с. 8]). Несколько позднее ряд исследователей говорит уже о подвижном и даже кочевом хозяйстве и образе жизни ямников [Шилов, 1970, 1975; Мерперт, 1974, с. 110–118]. В настоящее время представление о кочевом образе жизни носителей ямной

культуры прочно утвердилось [Шишлина, Булатов, 2000; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 107; Моргунова, Турецкий, 2004]. В отношении азиатских степей до сих пор преобладает мнение, что «скотоводы освоили азиатскую степь существенно позднее, нежели восточноевропейскую» [Кол, 2005, с. 65].

В азиатских степях синхронные ямной культуре древности длительное время изучались эпизодически. Одним из первых актов этого процесса, пожалуй, можно считать публикацию А.А. Формозовым информации о стоянках Терсек-Карагай и Коль, на материалах которых он поставил вопрос о выделении терсек-карагайской культуры [1946, 1951]. Затем был длительный период, когда изучением терсекских древностей никто не занимался. Возобновилось оно в 1978 г. раскопками поселения Солёное Озеро-1 [Логвин, 1979]. С 1980 г. параллельно нашим работам В.Ф. Зайберт начал исследовать близкое терсекским поселение Ботай на р. Иман-Бурлук [Зайберт, 1981]. В основном на его материалах была выделена родственная терсекской ботайская культура [Зайберт, 1993]. Среди

синхронных древностей сопредельных территорий ботайским и терсекским оказались наиболее близки сургандинско-кысыкульские в Южном Зауралье [Крижевская, 1977; Матюшин, 1982]. Эти три группы древностей (терсекская, ботайская и сургандинско-кысыкульская) представляют южную степную провинцию обширной, охватывающей несколько географических зон, зауральской общности неолитических культур геометрической керамики [Калиева, 1990, с. 16; Чаиркина, 1995, с. 18–20]. Большая близость материальной культуры населения данной провинции и единство географической среды (степь) предполагают сходный в основных чертах тип хозяйственной и бытовой деятельности. Поэтому естественно, что, рассматривая вынесенную в заголовок статьи проблему в основном на терсекских материалах, мы использовали информацию, полученную исследователями ботайской и сургандинско-кысыкульской культур.

Л.Я. Крижевская, имея в своем распоряжении очень ограниченный остеологический материал, склонна была считать охоту и рыбную ловлю основными видами хозяйственной деятельности кысыкульского населения [1977, с. 105]. Г.Н. Матюшин говорил о скотоводстве как основе экономики сургандинцев и не исключал наличия среди них групп «кочующего населения» [1982, с. 283–294]. В.Ф. Зайберт реконструирует модель особого «ботайского ХКТ (хозяйственно-культурного типа. – С.К., В.Л.)», который определяется «как оседлый многоотраслевой с доминантой коневодства (раннего)» [1993, с. 168–169]. Своеобразно понимается им оседлость: «...если в пределах зоны обитания сезонные подвижные группы скотоводов решают проблемы жизнеобеспечения общности в рамках годового цикла, то такое население можно считать оседлым», при этом зона обитания может достигать «десятков тысяч квадратных километров» [Зайберт, 2009, с. 293–295].

Археозоологи в своих мнениях разошлись кардинально. Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов, опираясь на размерные характеристики костей, считают лошадь Ботая и терсекских поселений Соленое Озеро-1, Евгеньевка-2, Ливановка домашней, а быка – диким [Ахинжанов и др., 1992, с. 31–39, 159–166]. Изучая черепа и кости конечностей ботайской лошади, И.Е. Кузьмина также пришла к выводу о их принадлежности домашним особям [1993]. В противоположность этому Н.М. Ермолова и П.А. Косинцев говорят о дикой лошади Ботая [Ермолова, 1993; Косинцев, 2007, с. 148]. М. Левин, не исключая возможности использования ботайцами прирученных лошадей, считает, что основная масса лошадиных костей на Ботае принадлежит особям, добытым в процессе охоты [Levine, 1999, p. 63–74]. О дикой ботайской лошади говорят также Н. Бенеке и А. фон ден Дриш, опираясь на подход и аргументацию М. Левин [Benecke,

Driesch, 2003]. Д. Энтони и Д. Браун на основании наличия зубов со следами от удил склонны считать ботайскую лошадь домашней, однако не исключают возможности того, что на Ботае только отдельные особи были «взнузданы и оседланы» охотниками за дикими лошадьми [Anthony, 2007, p. 220].

Наша, сформированная совместно с Л.Л. Гайдученко, позиция заключается в признании терсекского общества, а шире – и всех, оставивших памятники южной степной провинции общности неолитических культур геометрической керамики, кочевым в его полукочевом варианте [Логвин и др., 1989; Гайдученко и др., 1989; Калиева, Логвин, 1997, с. 100–123; Гайдученко, 1998a]. К сожалению, издания, в которых была изложена наша аргументация, видимо, оказались малодоступны исследователям, особенно зарубежным. В последнем случае наслаиваются еще и языковые проблемы. В результате, даже ссылаясь на наши работы, исследователи приводят из них лишь цифровые данные по археозоологическим определениям [Benecke, Driesch, 2003]. Публикация в настоящем издании, надемся, изменит ситуацию.

Факты и точки зрения

Поскольку в термины «кочевники» и «кочевничество» зачастую вкладывается совершенно разное содержание, следует отметить, что мы придерживаемся позиции А.М. Хазанова. Отличительные признаки кочевничества он определяет следующим образом: «1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства); 5) преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо)» [Khazanov, 1984, p. 16; Хазанов, 2000, с. 84, 85]. Рассмотрим соответствие наших материалов этим признакам по порядку.

1. *Скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности.* Среди всех животных, кости которых представлены в коллекциях терсекских поселений, только бык и лошадь могут претендовать на статус домашних [Калиева, Логвин, 1997, с. 100–101]. Начнем с быка, кости которого достаточно многочисленны на ряде терсекских памятников: на Кумкешу-1 они составляют 53,6 % всех остеологических материалов, на Соленом Озере-1 – 36,7, на Каиндах-3 – 24,1, на Кожае-1 – 2,1 %.

Как известно, при определении ископаемых костных остатков археозоологами основным показателем,

отличающим домашних животных от диких, являются большие размеры последних (естественно и костей). Очевидно, однако, что на ранних этапах одомашнивания этот признак не может работать. Терсекский бык был довольно крупным, о чем свидетельствует высота в холке, рассчитанная по таранным костям с использованием методики В.И. Цалкина [1970, с. 162–164]. Для Кумкешу-1 этот показатель колеблется в диапазоне 128–161 см, для Кожая-1 – 137–167, для Каинды-3 – 143–146 см [Гайдученко, 1998а, с. 250]. У тура высота в холке 139–174 см, у серого степного быка народной селекции – 126–150 и даже 175 см. Эти данные наглядно показывают, сколь велика трансгрессия размерных характеристик дикого и домашнего быка.

Поскольку стандартные морфометрические показатели не могут дать однозначного ответа на вопрос, домашнему или дикому быку принадлежали найденные на терсекских памятниках кости, пришлось искать другие критерии. По мнению Л.Л. Гайдученко, одним из оснований считать терсекского быка домашним является тот факт, что в изучаемом регионе наиболее поздние бесспорные костные остатки тура обнаружены в отложениях первой половины плейстоцена [1998а, с. 248]. Все находки более позднего времени сомнительны по причине либо неопределенности их стратиграфической приуроченности, либо условности определений (типа: «*Bovínac gen. indet.*», «*Bos aut Bison*», «*Bos sp.*» и т.п.). Следовательно, существует большая вероятность того, что позднее раннего голоцена тур на этой территории не обитал. Тогда следует признать невероятным «появление тысячелетиями отсутствовавшего вида» [Там же].

Одним из характерных для домашних животных показателей является высокая степень изменчивости признаков, которая может выходить за рамки «не только видовых, но и родовых особенностей» [Шварц, 1972, с. 12]. Некоторые костные остатки терсекского быка показывают высокую степень изменчивости. Общеизвестно происхождение крупного рогатого скота в Северной Евразии от тура (*Bos*). Зубр (*Bison*) в этом процессе как будто не принимал участия. Хотя жесткого запрета на гибридизацию зубра и тура (и крупного рогатого скота) нет, селекционеры при создании гибридов столкнулись с настолько серьезными трудностями, что признали ее нецелесообразной. Это делает маловероятной в прошлом не только естественную гибридизацию, но и обусловленную человеком. Следовательно, на костях крупного рогатого скота не должно быть признаков зубра. Однако на практике дело обстоит иначе. Изучая кости энеолитического терсекского и современного крупного рогатого скота, Л.Л. Гайдученко обнаружил, что некоторые из них в обеих выборках имеют признаки как зубра, так и тура [Гайдученко и др., 1989, с. 28–31]. При достаточно большой выборке эти кости (например, М₃) можно расположить таким образом, что образует-

ся ряд, в котором прослеживается плавный переход от признаков зубра к признакам тура [Гайдученко, 1998б, рис. 1]. При этом «зубов с признаками только зубра в коллекции нет. Зубов со смешанными признаками из Кожая – 66,7 %, из Кумкешу – 58,8 %, Каинды – 66,7 %». Такое же соотношение отмечено для эпохи бронзы: «в среднем – 64 %». «У рецентного КРС (крупного рогатого скота. – С.К., В.Л.) этот показатель равен 53 %» [Там же, с. 177–178]. С учетом сказанного выше о трудностях при гибридизации с участием зубра и тура эти факты следует рассматривать как естественно возникающую в среде домашних животных изменчивость.

Хорошо согласуется с приведенными данными и такой признак, как комолость терсекского крупного рогатого скота. Критерии определения этого признака по костным остаткам в свое время были разработаны В.И. Цалкиным, который обратил внимание на то, что на скифских и античных памятниках, оставленных населением, разводившим комолый скот, роговые стержни составляют от 0,23 до 0,88 % всех костей крупного рогатого скота. В коллекциях лесных поселений того же времени этот показатель поднимается до 1,35 % и выше [Цалкин, 1966, с. 11–13]. На трех терсекских памятниках, давших наиболее представительные остеологические коллекции, он колеблется от 0,27 до 0,53 % (Кожая-1 – 0,27 %, Каинды-3 – 0,47, Кумкешу-1 – 0,53%)*. На этих памятниках довольно много костных остатков сайги, в т.ч. и роговых стержней. По устному сообщению Л.Л. Гайдученко, их плотность сопоставима с плотностью роговых стержней крупного рогатого скота. На Кожая-1 роговые стержни сайги составляют 1,1 % всех костей животных этого вида, на Каиндах-3 – 3,59, на Кумкешу-1 – 8,29 %. Отличие по данному показателю от коллекций костей крупного рогатого скота существенно, что не позволяет объяснить малый процент роговых стержней быка особенностями сохранности. Поскольку дикий комолый бык науке неизвестен, то приходится признать терсекский крупный рогатый скот домашним, несмотря на его крупные размеры.

Можно привести еще одно наблюдение, свидетельствующее о содержании терсекским населением домашних животных. По результатам анализа нагара на сосудах с поселения Кумкешу-1 более 13 % образцов указывают на присутствие молока [Гайдученко, 2000, с. 157]. В принципе, оно могло быть получено и от домашней лошади, но с учетом исторически известного опыта предположение об использовании обитателями Кумкешу-1 для приготовления вареной пищи не кобыльего, а коровьего молока более предпочтительно.

*Разница с ранее опубликованной информацией объясняется уточнением ее Л.Л. Гайдученко [Гайдученко и др., 1989, с. 32; Калиева, Логвин, 1997, с. 104; Гайдученко, 1998б, с. 176].

Наиболее острые дебаты развернулись вокруг интерпретации костных остатков лошади. Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов провели довольно детальное сравнение морфометрических характеристик лошадиных костей с поселений Солёное Озеро-1 и Ботай и известных к тому времени костных остатков нео-энеолитических лошадей, а также костей лошади с памятников эпохи бронзы Казахстана. В результате они пришли к выводу, что «лошадь эпохи энеолита или ранней бронзы Казахстана не отличалась ничем от этих животных эпохи поздней бронзы...» [Ахинжанов и др., 1992, с. 31–38, 160]. Даже если согласиться с тем, что диагностические признаки доместикиции у примитивных лошадей отсутствуют и на основании морфобиометрических данных отнести их с уверенностью к дикой или домашней форме нельзя, эти данные не исключают возможность одомашнивания терсекской лошади.

К настоящему моменту из исследователей, отрицающих наличие домашней лошади у степного населения общности энеолитических культур геометрической керамики, наиболее развернутую аргументацию своей позиции дала М. Левин на основе анализа костей с поселения Ботай. Принципы определения критериев доместикиции она отработывала еще до обращения к ботайскому материалу, изучая остеологические коллекции со стоянок «охотников-собираателей» плейстоцена и с энеолитического поселения Деревка среднестоговской культуры [Levine, 1983, 1990]. М. Левин обратила внимание на то, что охотничья добыча на разных плейстоценовых памятниках существенно различалась по половозрастной структуре. Она предположила, что это объясняется различиями в способах добычи животных, и рассмотрела несколько возможных моделей организации охоты, при реализации которых, по ее мнению, и формировались коллекции костей с разным сочетанием половозрастных характеристик [Levine, 1983, p. 29–31].

М. Левин подвергла анализу остеологическую коллекцию с участка 31 поселения Ботай. Этот участок раскапывался в 1992 г. А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцевой при участии М. Левин специально для решения последней поставленной задачи [Levine, 1999, p. 30–32]. Более половины лошадей, представленных в анализируемой коллекции, были забиты в возрасте 3–7 лет, более трети – 4–6 лет. Пик приходится на возраст 6 лет. Костей очень старых животных мало. Соотношение молодых и старых особей М. Левин считает близким естественному. Соотношение самцов и самок ею установлено как 1:1 [Ibid, p. 72, fig. 24]. На основании этих данных М. Левин считает, что ботайская лошадь была дикой и добыта в процессе неизбирательной охоты. Поскольку к тому времени Д. Энтони и Д. Браун установили наличие на Ботае зубов лошади со следами использования удила, она не исключала возможности участия в охоте всадников [Ibid, p. 67–73].

По материалам поселения Кожай-1 реконструируется сходная возрастная структура. Порядка 42 % лошадей забивалось в возрасте 4–6 лет. Кости старых особей также немногочисленны. Жеребцы составляют примерно 60 % забитых животных [Гайдученко, 1998а, с. 245–247]. По логике М. Левин, основная масса лошадей Кожай-1 также должна была быть добыта в процессе неизбирательной охоты. Однако представляется, что ее исходные посылки весьма уязвимы.

Важную роль в концепции М. Левин играет сопоставление с этнографической информацией. Опросив двух казахов и двух монголов о ситуации начала XX в., она заключила, что традиционные коневоды – монголы и казахи – на мясо в качестве пищи предпочитают забивать двух-трехлетних лошадей. Если же лошадь предназначалась для других целей, то, по мнению М. Левин, забиваться должны были особи в возрасте 16 и более лет. Поскольку возрастная структура лошадей поселения Ботай не соответствует этим положениям, то она считает их дикими [Levine, 1990, p. 738; 1999, p. 41–52, 73]. Такое использование этнографической информации нельзя признать корректным. Казахское и монгольское общества в начале XX в. уже были включены в систему рыночных отношений. В данной системе в случае мясного направления коневодства действительно выгодно, интенсивно откормив молодняк, отправить его на забой, как только темпы прироста мясной массы начнут снижаться. В рыночной экономике это диктуется требованиями рентабельности производства.

Что касается немясного направления, то сама М. Левин приводит интересные данные по памятникам римского времени Кестерен и Торнхилл, где, по ее мнению, лошади использовались в транспортных целях [Levine, 1999, p. 52–55]. На первом количество забитых животных резко сокращается уже с возраста 10 лет, а на втором – с 13 лет. Можно отметить также, что на Кестерене, так же как и на Ботае, пик забоя лошадей приходится на возраст 6 лет [Ibid, p. 55, fig. 5]. Д. Энтони обратил внимание исследователей на то, что кривые возраста забоя лошадей для Кестерена и Деревки практически идентичны [Anthony, 2007, p. 205, 206, fig. 10.4]. Между тем именно сходство возрастной структуры забитых лошадей на этом энеолитическом поселении и на палеолитическом памятнике послужило основанием для отнесения М. Левин большинства лошадиных костей дереивской коллекции к диким животным [Levine, 1990, p. 737–739]. Видимо, следует согласиться с Д. Энтони, что такой признак, как половозрастная структура, при рассмотрении проблемы доместицированности лошади не работает [Anthony, 2007, p. 205].

Нам представляется, что возрастная структура забитых домашних лошадей на поселениях Ботай и Кожай-1 достаточно логична. Говоря об уровне развития оставившего эти памятники общества в первом прибли-

жении, мы можем предположить, что оно находилось на позднеродовой стадии, максимум, на начальном этапе разложения родового общества. В нем действовали рычаги не рыночной, а престижной экономики, в которой скот всегда имеет очень важное значение. В этом случае нет резона забивать молодых животных, но и нет смысла держать их до предела репродуктивного периода, когда ценность животного резко падает. Следует иметь в виду также замечания Л.Л. Гайдученко о некоторых причинах формирования зафиксированной на Кожае-1 возрастной структуры забитых лошадей. Данные по современным лошадям показывают, что зрелость скелета наступает у них к 4,5–5 годам, верховые лошади приобретают способность нести полный груз примерно в 4 года. Приблизительно к 3,5 годам казахская лошадь джабе при табунном содержании показывает «наибольший вес и наивысший убойный выход». В 5–6 лет жеребцы пытаются формировать собственные косяки. Таким образом, в возрасте 4–6 лет терсекская лошадь «наиболее интенсивно вовлекается в круг событий, определяемых как биологическими причинами, так и хозяйственными потребностями... что естественно приводило к высокому уровню травматизма среди особей именно этого возраста, обусловившему, вероятно, в ряде случаев вынужденность убоя» [Гайдученко, 1998а, с. 246]. О вынужденном забое, по мнению Л.Л. Гайдученко, свидетельствует наличие на поселении Кожай-1 костей дистальных отделов конечностей, сохраняющих анатомический порядок, но с переломанными (в основном посередине) метаподиями. Таким образом, замечание М. Левин о том, что присутствие на Ботае нерасчлененных частей скелета говорит о нерациональном (хищническом) типе охоты [Levine, 1999, p. 69], можно оспорить. По крайней мере часть таких находок можно объяснить вынужденным забоем больных животных.

Определенный интерес представляет полученная по морфобиометрическим данным информация о росте лошадей и степени их тонконогости. Эти показатели лежат в пределах вариаций домашней лошади. По данным Л.Л. Гайдученко, на Кожае-1 рост колебался от 129 до 146 см и в среднем составлял 139 см. Кожайские лошади были полутонконогие, средненогие, полутолстоногие и толстоногие. На Кумкешу-1 лошади имели примерно такой же рост (128–146 см, в среднем 139,4 см) и в основном были средненогие и полутолстоногие. На Каиндах-3 рассчитанные значения роста несколько ниже (128–143 см, в среднем 135 см), что может объясняться существенно меньшей величиной выборки. Здесь преобладают кости полутолстоногих лошадей [Гайдученко, 1998а, с. 241]. Рост ботайской лошади колебался в диапазоне 128–152 см [Зайберт, 2009, с. 412].

Л.Л. Гайдученко предпринял попытку изучить лошадь, известную по материалам поселения Кожай-1,

«на организменном уровне по двум направлениям, выявляя структуру популяции в отношении конституции входящих в нее особей и направления селекционной работы». За основу структурного анализа был взят тип лошади, определяемый по соотношению показателей роста и тонконогости [Гайдученко, 1998а, 2002]. Л.Л. Гайдученко отмечает, что на территории современного Казахстана на протяжении плейстоцена и голоцена, до неолитической эпохи включительно, лошади были средние и рослые, а эволюция шла по направлению увеличения тонконогости. В первой половине плейстоцена фиксируются толстоногие и полутолстоногие лошади, во второй – средненогие и полутонконогие, в голоцене (неолите) – тонконогие. В терсекское время, если судить по коллекции Кожай-1, ситуация резко изменилась. Наряду со средними и рослыми появились малорослые лошади. Встречены все разновидности от толстоногих до полутонконогих, но тонконогих нет. Создается впечатление, что в степях Казахстана к III тыс. до н.э. естественный ход событий в эволюции лошади был нарушен. Пожалуй, можно согласиться с Л.Л. Гайдученко в том, что наиболее реально объяснять произошедшие изменения влиянием доместикационных процессов, когда лошадь развивается под опекой человека, обретая невыгодные, с позиций естественного отбора, качества [1998а, с. 243].

В 1992 г. Д. Энтони и Д. Браун просмотрели выборку из 19 неповрежденных нижних предкоренных зубов взрослых особей из Ботая. Пять из них имели бесспорные следы воздействия удила, что составляет 26 % от выборки. Позднее Н. Бенеке и А. фон ден Дриш указали на возможность аналогичного износа зубов у диких животных с неправильным прикусом [Benecke, Driesch, 2003, p. 78, 79]. В связи с этим Д. Энтони попытался определить частоту встречаемости этого признака у диких (в т.ч. плейстоценовых) лошадей и пришел к выводу, что она составляет менее 1 % [Anthony, 2007, p. 211–213, tabl. 10.1]. Из 12 неповрежденных зубов с поселения Кожай-1 два (16,6 % от выборки) также оказались с четкими следами сработанности [Ibid, p. 218]. Еще об одном зубе со следами от воздействия удила из коллекции Ботая сообщают А. Оутрам и его коллеги [Outram et al., 2009]. Интересно отметить, что в современном табунном коневодстве мясного направления на 200–250 голов приходится два-четыре табунщика. При наличии у каждого табунщика запасных лошадей для выпаса табуна в 1 000 голов необходимо 16–40 (1,6 % – 4,0 % от стада) обученных животных [Гайдученко, 1998а, с. 245]. Следовательно, терсекские и ботайские коневоды были обеспечены обученными лошадьми не хуже исторически известных кочевников.

Интерес представляет также то, что на участке 31 Ботая были обнаружены крупные нерасчлененные

части скелета лошадей. По мнению изучавшей их С. Олсен, это возможно только в том случае, если животных забивали на поселении или же части туш доставляли с помощью лошади. В любом случае речь должна идти о домашних животных [Olsen, 2003, p. 86, 96].

Все приведенные факты в пользу домостикации лошади носителями ботайской и терсекской культур очень важны, но не позволяют ответить на вопрос, имеем ли мы дело с костными остатками отдельных одомашненных особей, или же основная масса обнаруженных костей принадлежит домашним животным. На поселениях Кожае-1 и Кумкешу-1 нами получены данные, подтверждающие второе предположение. Мы подметили факт несомненно разного отношения к лошади и быку, с одной стороны, к кулану и сайге – с другой. На Кожае-1 в 3,5 раза, а на Кумкешу-1 в 2,5 раза молодых куланов (определялось по приращению эпифизов) забивали чаще, чем молодых лошадей. По сайге и быку этот показатель соответственно в 2,3 и 1,3 раза [Калиева, Логвин, 1997, с. 107]. Обитатели обоих поселений предпочитали забивать взрослых лошадей, у которых скелет уже полностью сформировался. Что касается сайги и кулана, то, похоже, их мало интересовало, молодых или взрослых животных они забивают. На Кумкешу-1 ребра в коллекциях костей лошади и быка составляют соответственно 9,5 и 8,1 %, а кулана и сайги – 2,4 и 1,3 %. Ситуация с лопаткой прямо противоположная. В коллекции костей лошади и быка они составляют 1,1 и 3,7 %, а кулана и сайги – 17,9 и 12,0 % [Калиева, Шевнина, 2007, с. 102]. Явно кулан и сайга забивались не на поселении, в силу чего большая часть ребер, в противоположность лопатке, оставалась на месте охоты. Что касается лошади и быка, то проблемы доставки их туш на поселения, судя по всему, не существовало. Сайга и кулан, безусловно, дикие животные, и если мы фиксируем диаметрально противоположное, в сравнении с лошадью и быком, отношение к ним людей, то по принципу антитезы напрашивается вывод, что последние были домашними. Кулан и лошадь в диком (последняя и в одичавшем) состоянии ведут практически одинаковый образ жизни. Приемы охоты на тех и других одинаковы, и если считать лошадь дикой, то следует ожидать одинакового представительства молодых и взрослых особей кулана и лошади в охотничьей добыче, чего мы не наблюдаем в действительности. Эти прямые факты особого (и однопорядкового) отношения людей к лошади и быку (последний уже в силу комолости не может считаться диким) свидетельствуют о домостикации основной массы лошадей, представленных в остеологических коллекциях, что, естественно, не исключает возможности присутствия в них какой-то доли костных остатков диких или одичавших особей, добытых в результате охоты.

В пользу одомашненности терсекской лошади свидетельствует также никем не оспариваемый факт разведения домашних лошадей западными соседями – населением, оставившим памятники ямной культуры [Цалкин, 1970, с. 183–204; Мерперт, 1974; Шилов, 1975; Петренко, 1984, с. 69–70; Косинцев, 2007]. Ямные, суртандинские, терсекские и ботайские древности в целом синхронны. Обитатели западной части азиатских степей не могли не знать о домашних лошадях носителей ямной культуры. Граница между азиатскими и европейскими степями условна, она никогда не была неодолимой преградой между европейским и азиатским степным населением [Мерперт, 1974]. Лошадь слишком ценное для степняка животное, чтобы, познакомившись с практикой разведения домашних лошадей, не попытаться перенять этот опыт.

Все свидетельствует о ведущей роли скотоводства в экономике терсекского общества. В мясном рационе населения продукция охоты имела явно второстепенное значение. Выход поедаемой массы диких животных на Каиндах-3 составляет 26,81 % всей мясной продукции, на Кожае-1 – 13,04, на Кумкешу-1 – 6,36 % [Гайдученко, Зданович, 2000, с. 45–66]*. Помимо мяса в питании использовалось и молоко. На Кумкешу-1 в составе вареной пищи заметное место занимает молочная (более 13 %). Поскольку молоко может потребляться и в сыром виде, следует предполагать важное значение его в питании терсекского населения [Гайдученко, 2000, с. 156–157]. Свидетельств рыбной ловли немного. На Кожае-1 найдены кости двух щук и одного карася, а на Кумкешу-1 – двух яззей и одной щуки. Однако наличие на Кумкешу-1 фрагмента керамического грузила и результаты изотопного анализа фрагмента человеческого черепа с поселения Ботай, возможно, свидетельствуют о достаточно важной роли рыбы в рационе питания [Калиева, Шевнина, 2007; O'Connell et al., 2003, tabl. 16.2].

Прямых данных о земледелии нет, однако технические возможности для занятия им у терсекского населения были. Например, часть крупных топоровидных орудий имеет явные следы использования их в качестве землеройных инструментов (мотыги). Диски могли служить утяжелителями палок-копалок. Крупные абразивные камни могли использоваться для растирания растительной пищи. Кроме того, по результатам анализа пригара на сосудах с поселения Кумкешу-1, примерно 6 % анализировавшихся образцов указывают на использование в вареной пище какого-то просовидного злака. Однако все эти признаки жестко с земледелием не связаны. Даже злаки могли быть получены во время кон-

*Сравнительно высокий удельный вес продукции охоты на Каиндах-3 объясняется спецификой памятника, представляющего собой, по нашему мнению, пастушескую стоянку (летний отгон) [Логвин, 1992].

тактов с южными соседями. Хотя вопрос о земледелии у терсекского населения остается открытым, ясно, что оно не могло играть более важную роль, чем это было зафиксировано у кочевников данного региона в историческое время. Вместе с тем мы должны отметить наличие достаточно интенсивного собирательства, поскольку незерновая растительность использовалась в приготовлении вареной пищи не намного реже (33 %), чем мясо (43 %) [Гайдученко, 2000, с. 156–157]. Таким образом, все изложенное выше позволяет говорить, что в системе комплексного хозяйства терсекского населения скотоводство играло определяющую, ведущую роль, являлось экономической основой функционирования общества.

2. *Экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным вестойловым содержанием скота на подножном корму.* Интенсивным хозяйство обитателей терсекских поселений не могло быть по двум причинам. Во-первых, для этого надо иметь достаточно развитое земледелие, а во-вторых, инвентарий, которым располагали терсекцы, не позволял заготавливать корм для такой массы животных. Следовательно, терсекский скот по необходимости содержался на подножном корме.

3. *Периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории.* Большое количество скота при отсутствии возможности заготовок корма предопределяет необходимость смены пастбищ. Подтверждение этому мы находим в особенностях конструкции жилищ и состава остеологических коллекций. На поселениях Кожа-1 и Кумкешу-1 жилища хотя и были полуземляночными, но наземная их часть, судя по остаткам сгоревших конструкций, сооружалась из тальника, что предполагает и сравнительно легкую кровлю, которая могла быть сделана с использованием камыша, травы, шкур животных, но не дерна [Калиева и др., 1989]. В зимнее время в таком жилище огонь в очаге необходимо поддерживать практически постоянно. Отсюда, если предположить круглогодичное обитание на поселениях Кожа-1 и Кумкешу-1, следует ожидать наличие мощных очагов и зольников, однако мы их не находим. Только в жилищах 1 и 14 Кожа-1 обнаружены остатки более или менее интенсивно использовавшихся очагов. Прослеживались они как пятна диаметром 0,6 м, в которых грунт прокален на глубину 0,1 м. Возможно, часть расположенных внутри сооружений зольников также фиксируют кострища, хотя большинство, скорее всего, являются просто местами последнего складирования золы. Все они маломощные, диаметром от 0,4 до 1,0 м, с толщиной золистых отложений до 0,1 м. На раскопанную часть памятника приходится всего лишь до десятка таких зольников [Калиева, 1998, с. 7–9]. Это как-то не вяжется с большой насыщенностью культурного слоя находками – в среднем ок. 300 на 1 м² раскопа. Единственное разумное объяснение

такого сочетания признаков заключается в признании Кожа-1 долговременным, но сезонным (летним) поселением. Примерно такую же ситуацию мы имеем на Кумкешу-1. Только в жилище 6 зафиксировано небольшое (диаметром 0,2 м) пятно прокала толщиной 0,05 м. Расположено оно в центральной части на дне ямы. Зольников как таковых нет, но во многих жилищах обнаружены линзы песка диаметром до 1 м, мощностью 0,15–0,20 м с обильными углистыми включениями. Только в двух случаях (жилища 1 и 9) эти линзы достигают 2 м в диаметре при мощности 0,2–0,3 м. Похоже, несмотря на легкость конструкций жилищ, обитатели Кожа-1 и Кумкешу-1 не испытывали потребности в постоянном их обогреве, что возможно только в теплый период времени. Большая насыщенность культурного слоя находками обусловлена ежегодным возвращением к обжитому месту летнего обитания. Остеологические коллекции подтверждают такое предположение. В них имеются кости животных, которые зимой в этих местах не обитают. На Кожа-1, Кумкешу-1 и Каиндах-3 это сайга. Помимо них, на Кожа-1 найдены кости лебедя, журавля, серого гуся, чирка, болотного луна, а также лягушки и сурка, а на Кумкешу-1 и Каиндах-3 – зурмана и тушканчика, которые на зиму залегают в спячку. Это однозначно свидетельствует о том, что летом поселения были обитаемы.

Анализ ростовых слоев цемента коренной части зубов животных с Кожа-1 и Кумкешу-1, проведенный Л.Л. Гайдученко по методике Г.А. Клевезаль [1988], показал, что животные забивались в теплый период года (весна, лето, осень) [Калиева, Логвин, 1997, с. 115–116]. К аналогичному заключению приводят и результаты палинологических исследований на Кожа-1. Взятые на поселении образцы дали типичный для мест обитания человека спектр растений с резким преобладанием маревых. Неожиданным оказалось отсутствие ивы. Ни в культурном слое, ни в перекрывающей его почве ивовая пыльца не фиксировалась, хотя тальник растет в пойме реки сейчас и, видимо, рос в прошлом, поскольку его макроостатки (угольки) найдены в культурном слое [Калиева, 1998, с. 233]*. Истоки этого парадокса лежат в особенности местоположения памятника. Поселение занимает ложбину между прилегающими к реке сопками и скальным выступом в пойме. Зимой в ней, естественно, скапливался снег. Ива начинает цвести при появлении первых проталин [Флора Казахстана, 1960, с. 20, 26, 29], длительность цветения пять–десять дней [Миньков, 1974, с. 114]. В это время в ложбине еще лежал снег, и пыльца ивы оседала на его поверхности, а затем уносилась в реку по мере таяния снега. Обитатели Кожа-1 появлялись на поселении, после того как ива отцветала и ложбина освобождалась от

*Возможность ошибочной интерпретации пыльцы ивы Р.А. Терещенко, выполнившей анализы, исключает.

снега. В противном случае человек и сопутствовавшие ему животные занесли бы пыльцу в культурный слой.

Из всего сказанного следует, что Кумкешу-1 и Кожай-1 были обитаемы только в летний период, но тогда должны быть и зимние поселения. Возможно, таковым является Соленое Озеро-1. Жилище здесь было совершенно другой конструкции. В центральной части его котлована по кругу располагались столбы, являвшиеся, судя по всему, опорой всей конструкции, которая способна была выдержать значительно большие нагрузки, чем каркас жилищ Кожая-1 и Кумкешу-1. Крыша и стены в этом случае могли быть существенно более тяжелыми, а следовательно, жилище более теплым. В придонной части котлована зафиксированы три довольно мощные линзы песка с углистыми включениями. Вероятно, это остатки костра, который не имел жестко фиксированного местоположения. С учетом сравнительно небольшой площади поселения создается впечатление, что обитатели Соленого Озера-1 испытывали большую потребность в отоплении жилищ, чем на Кожае-1 и Кумкешу-1. В остеологической коллекции Соленого Озера-1 отсутствуют кости животных, обитающих в этих местах только летом. Объекты охоты представлены кабаном. Поскольку памятник находится на краю реликтового бора в окружении озер, отсутствие костей летних обитателей леса правдоподобнее всего связывать с тем, что летом на поселении не было людей. Это место очень удобно для зимовки скотовода. Лес защищал при сильном ветре. Степные пространства обеспечивали кормом лошадей, способных тебеневать при значительном снежном покрове. Система озер с большими участками тростниковых зарослей обеспечивала кормом крупный рогатый скот, когда снежный покров увеличивался. В итоге, оснований считать Соленое Озеро-1 сезонным зимним поселением немногим меньше, чем Кумкешу-1 и Кожай-1 летними.

4. *Участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства).* Предположение об отгонном скотоводстве, когда основное население оставалось на стационарном поселении, а стада перегонялись и выпасались пастухами, не выдерживает критики уже из-за насыщенности находками культурного слоя, свидетельствующей о большом числе обитателей поселений. На Кожае-1 на 1 м² приходится порядка 300 находок, а на Кумкешу-1 – более 60.

5. *Преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо).* Поскольку в степях в III тыс. до н.э. до формирования рыночных отношений было еще далеко, хозяйство терсекского населения могло быть только натуральным, каким оно являлось в степях еще до и после него.

Таким образом, в рассматриваемых материалах нашли отражение все обозначенные А.М. Хазановым

признаки кочевничества. Следовательно, и общества, оставившие терсекские и ботайские древности, должны быть признаны кочевыми.

Список литературы

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 31–46.

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 218 с.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы: ИА МН-АН РК, 1998а. – С. 234–252.

Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: Гылым, 1998б. – Вып. 2. – С. 175–178.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита – бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: СПЛИИАЦ «Аркаим»; ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 150–169.

Гайдученко Л.Л. Определение конституционного и хозяйственного типа лошади по археологическим останкам // Аркаим: некрополь. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – Кн. 1. – С. 189–195.

Гайдученко Л.Л., Зданович Г.Б. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археологических исследованиях // Археологический источник и моделирование древних технологий: тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: СПЛИИАЦ «Аркаим»; ИИиА УрО РАН, 2000. – С. 45–72.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Караганд. гос. ун-т, 1989. – С. 27–33.

Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: Отд. археологии Сев. Казахстана НАН РК, 1993. – С. 87–89.

Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 435–436.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: ИА НАН РК, 1993. – 244 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАқпарат, 2009. – 576 с.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 18 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай-1. – Алматы: ИА МН-АН РК, 1998. – 255 с.

Калиева С.С., Гайдученко Л.Л., Логвин В.Н. К вопросу о сезонности поселения Кожай-1 // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР; Тюм. гос. ун-т, 1989. – С. 129–132.

- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: ИА МН–АН РК; Куст. гос. ун-т, 1997. – 179 с.
- Калиева С.С., Шевнина И.В.** Основы жизнеобеспечения терсекского общества // Экология древних и традиционных обществ: докл. конф. – Тюмень: Вектор-Бук, 2007. – Вып. 3. – С. 100–102.
- Клевезаль Г.А.** Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.
- Кол Ф.Л.** Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. – 2005. – № 1. – С. 64–71.
- Косинцев П.А.** Поселения неолита – средней бронзы Восточной Европы и Казахстана со сверхвысокой ролью лошади в хозяйстве // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 148–149.
- Крижевская Л.Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. – 128 с.
- Кузьмина И.Е.** Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: Отд. археологии Сев. Казахстана НАН РК, 1993. – С. 178–188.
- Логвин В.Н.** Работы в Наурзумском заповеднике // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 537–538.
- Логвин В.Н.** Новые данные по хозяйству терсекского населения // Маргулановские чтения: тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 40–42.
- Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л.** О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения: (сб. мат-лов конф.). – Алма-Ата, 1989. – С. 78–81.
- Матюшин Г.Н.** Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
- Мерперт Н.Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
- Миньков С.Г.** Медоносные растения Казахстана. – Алма-Ата: Кайнар, 1974. – 204 с.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.** Происхождение и этапы развития ямной культуры южно-уральских степей на фоне окружающей среды // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). – М.: ИА РАН, 2004. – С. 127–129.
- Мошкова М.Г.** Предисловие // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 5–8.
- Петренко А.Г.** Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.
- Рыдина Н.В., Дегтярева А.Д.** Энеолит и бронзовый век: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – 226 с.
- Флора Казахстана.** – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – Т. 3. – 459 с.
- Формозов А.А.** Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестн. Каз. фил. АН СССР. – Алма-Ата, 1946. – № 4 (13). – С. 50–52.
- Формозов А.А.** Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 115–121.
- Хазанов А.М.** Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.
- Цалкин В.И.** Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – 160 с. – (МИА; № 135).
- Цалкин В.И.** Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 280 с. – (МИА; № 161).
- Чаиркина Н.М.** Энеолит Среднего Зауралья: автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 21 с.
- Шварц С.С.** Вид, подвид и порода // Основные проблемы териологии. – М.: Наука, 1972. – С. 8–18.
- Шилов В.П.** Походження кочового скотарства у Східній Європі // Український історический журн. – 1970. – № 7. – С. 18–25.
- Шилов В.П.** Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5–16.
- Шишлина Н.И., Булатов В.Э.** К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Тр. ГИМ. – 2000. – Вып. 120: Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – С. 43–54.
- Anthony D.W.** The horse, the wheel and language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. – 553 p.
- Benecke N., Driesch A, von den.** Horse exploitation in the Kazakh steppes during the Eneolithic and Bronze Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. – 2003. – P. 69–82.
- Khazanov A.M.** Nomads and the outside world. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – 369 p.
- Levine M.A.** Mortality models and the interpretation of horse population structure // Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 23–46.
- Levine M.A.** Dereivka and the problem of horse domestication // Antiquity. – 1990. – Vol. 64, N 245. – P. 727–740.
- Levine M.A.** Botai and the Origins of Horse Domestication // J. of Anthropological Archaeology. – 1999. – Vol. 18. – P. 29–78.
- O’Connell T.C., Levine M., Hedges R.** The importance of fish in the diet of central Eurasian peoples from the Mesolithic to the early Iron Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: MacDonal Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 253–268.
- Olsen S.** The exploitation of horses at Botai, Kazakhstan // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 83–104.
- Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.** The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. – 2009. – N 323. – P. 1332–1335.